

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ФОЛЬКЛОРЕ ВОСТОЧНОРОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Понятие “патриотизм” теснейшим образом связано с понятием родины, отечества (в географическом, политическом, религиозном и прочих аспектах) и означает любовь к “большой” и “малой” родине, готовность защищать и служить ее интересам. Патриотизм в современном смысле, по мнению ряда исследователей (*Кром М.М.* К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России//*Мировосприятие и самосознание Русского общества (XI–XX вв.)*. М., 1994. С.16–30; *Морозова Л.Е.* К вопросу о времени появления понятия “патриотизм” в общественном сознании широких народных масс//*Там же*. С.31–37), зарождается лишь в начале XVII в., в эпоху Смуты. Однако, несмотря на отсутствие национального самосознания, лексико-семантическую неразработанность, само явление, обозначаемое понятием “патриотизм”, существовало и ранее. Так, *А.А.Горский* насчитал 20 вариантов “патриотических формул”, употреблявшихся в памятниках древнерусской литературы XI–XV вв. (*Горский А.А.* Представления о защите Отечества в средневековой Руси XI–XV вв.)//*Там же*. С.6–15). Важную роль в формировании патриотизма играло историческое сознание, способствовавшее возникновению национального самосознания, общности представлений о прошлом, о единстве происхождения.

В XVII–XIX вв. под влиянием целого ряда факторов историческое сознание казачества становится более конкретным и цельным (см.: *Мякутин А.И.* Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904. Т.1; *Сборник уральских казачьих песен/Собр. Н.Г.Мякушин.* СПб., 1890; *Фольклор казаков Сибири.* Улан-Удэ, 1969 и др.). Во-первых, в это время действует фактор, который имел место и в предшествующий период. Дело в том, что казачьи сообщества относились к типу традиционных сообществ. Для них была характерна сильная ориентация на прошлое, на традиции. Изменения в таких сообществах происходили относительно медленно. Большую роль играл социальный опыт, который закреплялся в образцах поведения и мышления и транслировался от поколения к поколению. Практические потребности повседневной жизни и обуславливали прежде всего интерес к прошлому.

Во-вторых, в указанный период в среде казачества происходили сложные сословно-социальные процессы. С одной стороны, размывались и исчезали отдельные категории казачества: бело-

местные, выписные, городовые казаки. С другой стороны, шел процесс организации и консолидации войсковых казачьих объединений, все большей их интеграции в общественно-государственный организм, что сопровождалось упрочением и стандартизацией сословного статуса казачества, а это, в свою очередь, способствовало росту казачьего сословного самосознания (осознание себя как особой группы населения, имеющей единое происхождение, отличные права и обязанности, функции и сословные рамки). В этом плане исторические представления играли роль консолидирующего момента. Казаки принимали в государственной жизни все более непосредственное участие, сами оказывались нередко в центре событий и поэтому не могли не давать этим событиям своей интерпретации, своих оценок. Далее, представители различных войсковых организаций оказывались вместе на государственной службе – в Средней Азии, на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Западной и Центральной Европе, на Балканах, – что способствовало обмену между ними информацией, историческими знаниями и формировало некоторое стандартное ядро исторических знаний, входившее в историческую память всего казачьего сообщества.

В-третьих, фольклористы уже отмечали нарастание в XVII–XIX вв. интенсивности исторической жизни: широкие народные движения С.Разина, К.Булавина, Е.Пугачева; религиозные движения; частые внешние войны России (со Швецией, Турцией, Ираном, Пруссией, Францией и т.д.). Все это содействовало развитию народного (в том числе казачьего) исторического сознания. В непосредственной зависимости от истории, от крупных исторических событий оказывалась повседневная текущая жизнь.

Широкое отражение в фольклоре восточнороссийского казачества (уральских, оренбургских, сибирских, забайкальских, амурских, уссурийских казаков) нашли события отечественной истории: восстание С.Разина; восстание и казнь стрельцов в 1698 г.; Северная война; восстание К.А.Булавина на Дону в 1707–1709 гг.; уход “сорока тысяч” донских казаков во главе с атаманом И.И.Некрасовым за рубеж – “за Дон, за Кубань, за Непричку, за Дунай”; поход князя Бековича-Черкасского на Хиву в 1716 г.; казнь в 1721 г. сибирского губернатора М.П.Гагарина, который “зае-дал жалованье: перво – винно, второ – хлебно, третье – денежное”; смерть Петра I; пленение донского атамана И.М.Краснощекова во время русско-шведской войны 1741–1743 гг.; события Семилетней войны, русско-турецких войн XVIII в.; восстание Е.И.Пугачева; конфликт между Екатериной II и Петром III и свержение последнего с престола; Отечественная война 1812 г. (цикл песен о донском атама-

не Платове, о гибели оренбургского полковника Белякова и т.д.); смерть Александра I в Таганроге; русско-турецкая война 1828–1829 гг. (осада Браилова; поход оренбургского полковника Падурова и др.); штурм Варшавы в 1831 г., походы в Среднюю Азию в 1830–1880 гг. и присоединение Туркестана; Крымская война 1853–1856 гг.; русско-турецкая война 1877–1878 гг.; русско-японская и первая мировая война.

История войска занимала также немалое место в комплексе исторических представлений казачества. Сохранились песни и предания о поражении яицких казаков на р.Утве от киргизкайсаков и каракалпаков (в действительности эти события имели место в 1723–1724 гг.). Одна из песен рассказывает о попытке введения среди яицких казаков легионной (“лицийной”) службы и о посылке казаками челобитчиков к Екатерине II с просьбой об отмене этой службы. Множество местных преданий о событиях восстания Е.И.Пугачева на территории оренбургского и уральского казачества дошло до XX в. Частым явлением в жизни казаков XIX в. были набеги степняков: киргизкайсаков, бухарцев, хивинцев, – которые сжигали казачьи поселения, уводили в плен мирное население. Особенно беспокойным положение на линиях стало на рубеже 1830–1840-х гг., во время восстания под руководством султана Кенесары Касимова. Киргизкайсаками был уничтожен ряд поселений между Орском и Троицком в 1837 г.; в 1844 г. подвергся разорению Екатерининский форпост. Эта тяжелая пора отразилась в ряде песен о набегах кочевников на Екатерининский форпост, о неудачном походе за линию отряда полковника Дуниковского, о гибели командира казачьей партии И.Ф.Рогожникова, о дележе “злыми киргизушками” русского полона.

В фольклоре казаков нашли отражение сведения о появлении первых поселенцев на колонизируемых землях, о природно-климатических условиях осваиваемой местности, о трудностях, с которыми сталкивались первопроходцы. Так, в преданиях казачества Дальнего Востока описывается появление “первонасельников” на Амуре и Уссуре в 1850-х гг. Фольклор отразил трудности первоначального освоения этих земель: “Места на Уссуре не везде хорошие. Есть тут и такие гиблые равнины, что летом гнус заедает, зимой мороз пробирает. Привыкать тяжело приходилось, ведь некоторые казаки в эти места с одним бичом пришли...” Несмотря, однако, на все невзгоды, казаки выстояли и упрочили свое хозяйственное положение: “Казак все на своих плечах вынес: он и границу стережет, он и деревню строил, чего только ему не пришлось вынести. Плечи у казака широкие, да и дух добрый, на то он и русским был”.

В целом, в казачьем фольклоре XVII–XIX вв. сохранялось традиционное понимание патриотизма, в рамках которого служба монарху и служба отечеству отождествлялись. Казакам было присуще осознание высокой государственной значимости выполняемых функций. Документальные источники свидетельствуют, что казаки относились к своим воинским обязанностям с большим “радением”, проявляя всяческую инициативу, используя свой жизненный опыт. В фольклоре казаки с готовностью принимают “царя белого приказ” и служат не за страх, а за совесть: “Царь послал нас в степь Зиацику//Заводить крепость Уральску”; “Но ведь нам совсем не ново//Царю белому служить!”; “Служба нам не надоела;//За царя служить пришли”. В сибирской песне “Линейные казаки” утверждалось: “Вы, линейные казаки,//Царю верны и покорны,//Неусыпны и проворны...//Царю верно мы служили...”

В казачьих песнях XIX в. нашла отражение гордость за родину, Россию: “Про Россию давно слава// Можно правду доказать”; “Подаются все назад,//За морями знают нас.//Хоть и лихи вы поляки,//Покоритесь вы нам!//Если нам не покоритесь –//Пропадете, как трава,//Наша матушка ли, мать Россия//Всему свету голова!” Забайкальские казаки пели: “Ты, Россия, ты, Россия,//Ты, Российская земля,//Про тебя, Россия наша,//Слава славная прошла”.

Казаки выражали в фольклоре уверенность в правоте своего дела, в победе, готовность защищать родину, служить ее интересам: “Встанем грудью на неверных,//С нами Бог и Царь – “Ура”!// Уж мы бросимтесь, ребята,//На хивинского хана”; “То не соколы крылаты//Чуют солнечный восход,//То сибирские казаки//Собираются в поход,//Сердце мужеством пылает,//Грудь отвагою полна,//Память павших призывает//Бить проклятого врага”. Песня забайкальских казаков о русско-японской войне сообщала: “Люди, все же люди знают://Будешь русскими побит,//Если с русскими связался,//То пословицу ты знай://”Если груздем ты назвался,//То и в кузов полезай”//Пусть японцы наступают,//Зададим трезвону им”. Патриотические чувства нашли выражение и в другой песне забайкальцев уже времен первой мировой войны: “Эх, Сибирь, страна родная,//За тебя мы постоим,//Волнам Рейна и Дуная//Твой поклон передадим”. “Из тайги, тайги дремучей,//От Амура от реки//Молчаливой темной тучей//Шли на бой сибиряки.//С ними шла былая слава,//Беззаветна и грозна,//Через Вислу переправа//Забайкальцам не страшна.//Ни усталости, ни страха –//Бьются ночь и бьются день,//Порыжелая папаха//Лихо сбита набекрень”, – пели казаки.

Естественна и логична в казачьем фольклоре формула, выражавшая готовность умереть за правое дело: “Смелым Бог владеет, // Нечего робеть, // Если ж одолеют, // Лучше умереть!”; “Уж мы рады воевать, // Кровь до капли проливать”.

Исследование подготовлено при содействии Международного научного фонда.

М.Ф.Ершов
Курган

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ И ТРАДИЦИИ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА В РОССИИ

Традиции защиты Отечества имеют важное значение для развития патриотизма. История их формирования охватывает большой исторический период и до конца не изучена. Помимо официальных мероприятий существовали (и существуют) народные представления о нормах поведения при взаимоотношениях с военными институтами государства.

С учетом всего этого необходимо понимание механизмов, которые заставляли “работать” традиции не только в кризисные исторические моменты, но и в повседневной обстановке. Рассмотрим их действие на примере рекрутской повинности.

В обществе, разделенном множеством сословных, корпоративных, религиозных и иных перегородок, гражданское население рассматривало свое участие в выполнении задач оборонного характера как вынужденную необходимость, как исключительные, но не столь уж редкие события. Согласно общественной психологии того времени обеспечение материальных (в том числе и военных) нужд государства лежало на податных сословиях. Они платили налоги, несли повинности, выставляли рекрутов.

Общая мотивация лояльного поведения к политике властей могла, однако, различаться на локальном уровне в зависимости от состава населения и вида его занятий. Сельские жители воспринимали рекрутскую повинность как прощание со своей деревней, с “миром”, разрыв с обыденностью и уход “в никуда” (в литературе широко известны сцены прощания, сравнимые по накалу трагичности с похоронами). Все это присутствовало и в городах, особенно в тех, которые были заполнены выходцами из деревни, но общее отношение к воинской службе, по нашему мнению, здесь было несколько иное.